

РЕЦЕНЗИИ

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 239 с.

Автор книги не нуждается в рекомендациях, его работы по этнолингвистике, диалектологии, фольклору в течение трех десятилетий находятся в центре внимания современного славяноведения. Тем больший интерес должна вызвать рецензируемая книга, посвященная тому разделу науки, который оказался в последние годы одним из основных для отечественной филологии и в который вклад автора также весьма значителен.

Возникнув как учебный предмет высшей школы, история литературного языка приобретает понемногу научный авторитет. Ее самодовлеющее значение заключается в глубине и всеобъемлющей точности характеристик языка отдельных текстов на всем протяжении истории письменности, в оценке вклада отдельных авторов, групп или жанров в развитие повествовательных и изобразительных средств национальной речи, в общей разработке социолингвистической ситуации различных эпох. В качестве интердисциплины история литературного языка, с одной стороны, открывает пути для постижения культурно-социальной истории общества, выражающейся через язык и через отношение к языку, а с другой стороны, предлагает критерии для филологической оценки источников по исторической лингвистике, развитие которой в последнее время замедлилось, вероятно, именно из-за нехватки такого рода критериев.

Книга Н. И. Толстого появилась в такой момент, когда высказано немало противоречивых и взаимоисключающих суждений по истории русского литературного языка, когда в среде специалистов ценятся не столько усилия по неспешной разработке материала, сколько новые концепции, способные по-новому осветить уже имеющийся материал. Оценка книги в этих условиях связана с ее содержанием, к рассмотрению которого мы и обратимся.

В книге пять разделов, они связаны между собой последовательным развитием методологической концепции исторического изучения феномена литератур-

ного языка: типология славянских литературных языков, их внутренняя взаимосвязь, возникновение и развитие славянской письменности в связи с этническим и культурным состоянием эпохи, формирование литературных языков нового времени у южных славян, история изучения славянских литературных языков.

Первый раздел открывается главой «Славянские литературные языки и их отношение к разным языковым идиомам (стратам)» (с. 8—27), содержащей опыт типологической классификации славянских литературных языков. Сходную попытку Д. Брозовича [1] автор признает не вполне удачной из-за того, что в ней перемешаны синхронные и диахронные признаки, а рядом с простыми признаками выведены сложные, сводимые к ряду простых (с. 11—12). Это справедливо, но кажется, можно было бы согласиться с Д. Брозовичем в том, что как маркированные должны быть оценены свойства литературного языка совмещать в литературной норме дублеты, обладать независимостью от фольклорной стилистики, развитостью устных форм литературной речи, — все они свидетельствуют о большей «литературности», стандартности литературного языка.

Предложенная Н. И. Толстым система типологических универсалий для характеристики славянских литературных языков представляет собою итог большой работы, она основана и на собственном исследовательском опыте автора, и на достижениях отечественной филологической традиции в изучении литературных языков, в частности — что важно отметить — она принципиально близка взглядам В. В. Виноградова (см. особенно [2]). Я позволяю себе перечислить эти универсалии, чтобы еще раз привлечь к ним внимание читателей и иметь возможность выразить в отдельных пунктах несогласие, к чему призывает сам автор (с. 14).

Н. И. Толстой насчитал в общей сложности 19 признаков, объединив их в четыре группы. Первая содержит восемь признаков синхронного (имеется в виду «современного», «наличного») лингвисти-

ческого аспекта: характер диалектной базы, наличие фольклорной койне, наличие обиходно-разговорной разновидности, наличие территориальных вариантов литературного языка, степень стабильности нормы, наличие просторечия или городской койне, наличие автономных литературных языков, функциональная поливалентность. Здесь не все равноценно. Например, комментарий не оставляет полной ясности в отношении того, с чем следует отождествлять «разговорно-обиходную разновидность»: с «суб-стандартом» Д. Брозовича, которому отводится промежуточное положение между диалектами и устной формой литературного языка, или же как раз с этой последней? В первом случае встает вопрос, как отличить эту разновидность от просторечия (наличие которого как самодовлеющей лингвистической системы в рамках русского языка, безусловно, вызывает сомнения), во втором случае — не сводится ли дело к степени развития поливалентности. Наличие малых литературных языков характеризует, как представляется, не литературный язык, рядом с которым они существуют, а самое социолингвистическую ситуацию в данном ареале. Признак «стабильности/нестабильности нормы» является не альтернативным, а градуальным (у Д. Брозовича «сосуществующие/поляризованные дублеты»), что вызывает затруднение при обращении к нему.

Вторая группа содержит четыре признака диахронического лингвистического аспекта: сохранение традиции, непрерывность исторического развития, неизменность диалектной базы в процессе развития, давность литературного языка.

В третью группу входят три признака историко-культурного аспекта: гомогенность/негомогенность двуязычия, двуязычие/диглоссия, наличие/отсутствие культурных центров. По первому признаку славянские земли делятся на *Slavia orthodoxa* и *Slavia latina*; второй мне представляется всего лишь потенциальным, потому что даже в юго-западной Руси XVII в., где развитие зашло дальше всего, дело ограничилось лишь тенденцией к формированию двуязычия. Для третьего признака в комментарии (с. 24) предусмотрено наличие одного или нескольких центров, но вовсе не полное их отсутствие, так что признак этот может оказаться градуальным.

Четвертая группа образована четырьмя признаками этнокультурно-филологического аспекта: взаимообусловленностью языковой ситуации и системы литературных жанров, взаимообусловленностью структуры фольклора и народно-поэтической койне, соотносённостью литературно-языковой ситуации с народной

духовной культурой, наличием социально обусловленных разновидностей языка и литературы.

В главе «К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его стандартности» (с. 27—33) в дополнение к предыдущему характеризуется связь между историей формирования нормы литературного языка и его стилистическими возможностями. В ходе сопоставительного описания феноменов «стандартный литературный язык» и «стандартность» выясняется, в частности, что для русского литературного языка основная стилистическая характеристика лексических средств связана с хронологическим аспектом (архаичность/неархаичность), тогда как в сербскохорватском главную окраску слову дает его локальная приуроченность.

Второй раздел открывается главой «К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян» (с. 34—52). Смысл ее сводится к тому, что православное славянство с IX по XVIII вв. обладало единым литературным языком, в качестве которого выступал язык церковнославянский. Впервые опубликованная в 1961 г. в «Вопросах языкознания» статья под таким названием определила новую эпоху в изучении языка древней славянской и русской письменности. Н. И. Толстой первым и в крупном масштабе применил пражскую концепцию литературного языка к разработке исторического материала, при этом он обратился не к предистории какого-либо национального литературного языка, существующего и ныне, а к языку мертвому, который хотя и дожил до сложения славянских наций и участвовал в становлении национальных языков, но выполнив эту высокую миссию, вновь замкнулся в тех пределах, в которых он и возник в IX в. — в пределах языка церковного богослужения, языка священного. С начала славянской филологии в XVIII в. церковнославянский язык был в центре научного внимания, им занимались конъектуральная филология, лексикология и лексикография, младограмматика, индоевропеисты, открыть в нем новую грань — социолингвистическую действительность — было, безусловно, нелегко. Убедительная интерпретация истории церковнославянского языка как языка литературного, анализ всей общеславянской средневековой культуры показали, что изучение истории русского литературного языка вне типологии средневековых литературных языков и вне языковой ситуации во всем славянском мире не может привести к адекватной лингвистической теории и к правильному описа-

нию предмета. К сожалению, в последующие годы вопреки ожиданиям распространение получили обскурантистские теории автохтонного происхождения литературного языка Древней Руси, которые, изолируя Русь в культурном отношении, ставили в изоляцию и самое отечественную русистику. Предложенная Н. И. Толстым гибкая схема включения международного литературного языка славянского средневековья в культурно-языковую ситуацию каждого отдельного региона может уточняться в деталях, но принципы ее представляются неизбежными.

Не получили до сих пор полного освоения и соответствующего научного развития высказанные здесь мысли о том, что церковнославянский язык имел внутреннюю лингвистическую историю (с. 41) и что периодизация литературного языка строится на других основаниях, чем периодизация языка диалектного (общеходного) (с. 43).

Между тем термин «древнеславянский литературный язык», предложенный здесь вместо термина «церковнославянский язык» и получивший одобрение таких знатоков дела, как Н. А. Мецкерский и М. М. Копыленко [3, 4], мне не кажется достаточно удобным уже потому, что приходится говорить о «среднедревнеславянском» (с. 39) или «среднеславянском периоде» древнеславянского литературного языка (с. 37). Новый термин, включая в свой состав указание на функцию этого языка — «литературный», может навязать представление о том, что церковнославянский язык всегда и везде за свою многовековую историю был языком литературным. Но ведь язык этот возник как священный, он был предназначен для церковно-литургического применения, лишь в ходе развития письменности он приобрел ранг литературного языка у славян православных, тогда как у славян католиков остался исключительно в церковном употреблении, так что, например, хорваты-глаголиты в качестве собственно литературных языков использовали итальянский язык и народную хорватскую речь. Как уже упоминалось, в эпоху сложения национальных литературных языков церковнославянский язык вновь замкнулся в рамках церковно-литургического применения. Конечно, существование в условиях средневековья литературного языка с единственной коммуникативной функцией мы считаем нормальным, но в таком случае предпочитаем и именовать его по этой функции — «русский деловой». Функции церковнославянского языка менялись на протяжении тысячелетия, но неизменно и непременно за ним сохранялась одна функция — языка церковного богослужения.

Мне думается, что новый термин был предложен Н. И. Толстым в тот особый исторический момент, когда занятия церковной культурой, церковной литературой и церковным языком казались в нашем обществе предосудительными. Тогда же Л. П. Жуковская ввела в употребление уникальный эвфемизм «тексты традиционного содержания» для обозначения св. Писания. Следует благодарить подвижников исторической науки за преданность истине в трудных обстоятельствах. Горько сознавать, что за недостатки наших трудов ответственность нередко несет эпоха.

Глава «Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода» (с. 52—87) дает лаконичный, но содержательно полный анализ социолингвистической ситуации в юго-западной Руси XVI—XVII вв. на основе очень большого материала. Показывается функциональное распределение трех одновременно существовавших здесь литературных языков — церковнославянского, польского и простой мовы. Выясняется, что для первых опытов построения национальной культуры может использоваться старое наследие средневековья — в данном случае церковнославянский язык. В свете этой выразительно очерченной картины, мне кажется, недостаточно отметить, что появление грамматики Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, Острожского братства вызвано было кризисом церковнославянского языка. Одновременно в этом регионе во множестве издаются грамматики новых литературных языков — чешского, польского, словенского, хорватского, перечень которых приводит Н. И. Толстой (с. 71—72), в этом ряду следует рассматривать и названные церковнославянские грамматики. Кризис охватил лишь традиционное положение церковнославянского языка, но зато вызвал попытки возвести его в ранг национального литературного языка, придать его нормам стабильность путем кодификации (довольно искусственного, разумеется, характера). В сходных условиях в Санкт-Петербурге в начале XVIII в. переиздавалась грамматика Мелетия Смотрицкого, в Сербии во второй половине того же столетия с такой же целью обращаются к церковнославянскому языку (об этом идет речь в четвертом разделе книги). Громадное достижение Н. И. Толстого заключается в том, что он уловил и описал несогласованность, разновременность, имеющие место в ходе исторического становления национального самосознания, национального литературного языка и нации как таковой. Вероятно, опережающее развитие самосознания неизбежно, потому что как раз ему в даль-

нейшем приходится выступать в качестве созидательного фактора всего сложного и многостороннего процесса.

Глава «Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв.» (с. 87—108) описывает последний этап истории церковнославянского языка, когда он стал вытесняться в разных частях славянского мира вновь складывавшимися национальными литературными языками. Автор делает важное наблюдение над характером влияния русского литературного языка на литературные языки сербов и болгар: «У сербов и тем более у болгар мы не наблюдаем полной проекции русского литературно-языкового состояния XVIII в. Проецировалось на южнославянской почве преимущественно то, что было связано с многовековой церковнославянской традицией и что было в своей далекой основе южнославянским» (с. 93).

В главе «Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI—XVII вв.)» (с. 108—127) приведены взгляды восточнославянских (Зиновия Отенского, Нила Курлятева, Никиты Добрынина-Пустосвята, игумена Ильи и справщика Григория), южнославянских (Константина Костенецкого, Юрия Крижанича), западнославянских (Матвея Меховского) филологов на природу церковнославянского языка. Язык этот именуется и славянским, и сербским, и русским, но не отождествляется ни с одним местным диалектом, а рассматривается как межрегиональный и литературный. Публикуя эту главу в виде статьи в 1976 г., Н. И. Толстой первым в отечественной науке оценил важность языкового вопроса — *Questione della lingua*, — т. е. истории языковой полемики и совокупности прямых высказываний по социолингвистическим проблемам для характеристики природы и судеб литературного языка в его истории.

Две главы следующего раздела «Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян» и «Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности» (с. 128—140, 140—153) раскрывают значение церковнославянского языка, его письменной формы, в частности и алфавита, для становления этнического, исторического и национального на его раннем этапе самосознания, для консолидации этнических и культурных сил. В центре внимания здесь стоят периоды создания славянской письменности и алфавита, деятельности терновско-резовской школы, второго южнославянского влияния на Руси, православно-като-

лической полемики XVI—XVII вв. на западнорусских землях.

Четвертый раздел (с. 154—209) включает в себя шесть небольших глав, посвященных истории формирования национальных литературных языков у южных славян — словенского, сербскохорватского и болгарского. Речь идет о событиях XVIII—XIX вв., внимание исследователя сосредоточено на двух вопросах: 1) почему при формировании нормы побеждает тот или иной вариант? 2) каково наследие церковнославянского языка в норме трех южнославянских литературных языков? А ведь это историческое наследие наложило свой отпечаток и на результаты деятельности Вука Караджича, провозгласившего по видимости полный разрыв с традицией, но в действительности освобождение от нее не было полным. В этом разделе очень выразительно проявляется историко-филологическое дарование автора, его умение выявить среди исторического хаоса центральные события и придать их исследованию принципиальное теоретическое значение. Прочитав несколько конкретных мыслей и наблюдений, заключающих в себе максимум исторической социолингвистики: «В преднациональный период соперничество форм с отдельными окказиональными или провизорными нормами достигает апогея, а прекращение такого соперничества можно считать началом функционирования единого национального литературного языка» (с. 155); «Отрыв от традиции у южных славян (...) диктовался, как правило, внелингвистическими причинами: стремлением а) в минимально короткий срок сделать новый литературный язык орудием культуры широких масс (временной момент), б) пойти на сближение с соседними этническими зонами в целях максимального территориального распространения нового национального литературного языка и сделать его орудием культуры не одной только нации (локальный момент)» (с. 163); «Одновременное употребление двух или больше норм (...) не создает конкуренции норм, оно обуславливает их известную иерархию» (с. 187); «...〈Путь Вука〉 не был ни легким, ни проторенным. Но только так можно было выполнить важную социальную задачу — как можно быстрее вовлечь широкие народные массы в создание национальной культуры, облегчить им усвоение литературного языка и по возможности преодолеть пропасть между языком сельских диалектов и языком литературы. „Славяносербский“ язык имел очень узкую социальную базу: им пользовались круги, близкие ко двору митрополита, священники и отдельные представители городской буржуазии» (с. 195). Социолингвистической

истории русского литературного языка еще далеко до столь точных и столь конкретных оценок.

Особое место здесь занимает глава «Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку (в связи с развитием жанров в древнесербской литературе)» (с. 164—173), где перечислены 14 основных жанров древнесербской письменности и установлена их связь с определенными языковыми формами. А именно: церковно-конфессиональные жанры существовали только на церковнославянском языке, часть жанров допускала языковое смешение и меньшую выдержанность церковнославянской нормы (например, хождения), деловая и бытовая письменность целиком относятся к сфере народного сербского языка. В целом эту классификацию громадного материала можно признать удачной, значение ее выходит за рамки сербской письменности, она применима и к восточнославянской литературной традиции. Но эта схема, как и всякая другая, вносит в сложный материал большую определенность, чем от него можно ожидать. Едва ли иерархия жанров была действительно строгой, и можно быть уверенным, что агнография иерархически располагалась выше панигирика, а Физиолог выше Номоканона. Самой схеме, графически изображающей иерархию жанров, придана форма треугольника или пирамиды (с. 167, 168), как если бы каждый верхний ярус обладал меньшим объемом текстов, образующих его. Я думаю, что нельзя выводить за рамки церковной (конфессиональной) письменности историческую и повествовательную литературу, ибо такие произведения, как История Иудейской войны, Варлаам и Иоасаф, могли рассматриваться как сочинения из области священной истории и учительной литературы соответственно. Апокрифы как жанр единством не обладают: библейские апокрифы стоят очень близко к каноническим книгам св. Писания и по происхождению, и по литературным особенностям, и по языку; апокрифическая гадательная письменность резко отличается от них своими сниженными литературными и языковыми чертами. Можно сомневаться и в том, что деловая и бытовая письменность создавали с конфессиональными жанрами единую иерархическую систему и что основой всей пирамиды служила устная народная словесность. В. О. Ключевский, например, считал, что в средневековом обществе — в частности, в России — церковь и государство представляли собою две параллельные автономные иерархии [5].

В последний раздел книги входят два этюда по истории разработки славянских литературных языков: «Взгляды В. В.

Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языка» (с. 210—220) и «Мысли Н. С. Трубецкого о русском и других славянских языках» (с. 220—235). Он интересен не только квалифицированным анализом трудов двух выдающихся русских филологов, но и той оценкой, которую дает Н. И. Толстой своим научным предшественникам в избранной им области исследования.

Обзор содержания рецензируемого издания позволяет сделать вывод, что автор попытался воплотить свой план создания всесторонней истории одного литературного языка и воплотил его на материале церковнославянского языка. Почти все главы, вошедшие в книгу, публиковались в том или другом виде (указание на этот счет, а также перечень других работ Н. И. Толстого по славянским литературным языкам даны в конце издания), их объединение теперь наглядно показывает, что Н. И. Толстым исподволь совершенно монографическое изучение судьбы церковнославянского языка от его возникновения до времени растворения в новых национальных литературных языках. Нужно добавить, что своими работами Н. И. Толстой придал значительное движение изучению церковнославянского языка как языка литературного и в особенности привлек внимание к его региональным изводам (см., например, недавние работы [5; 6]). Для полного завершения предложенного автором плана необходимы дальнейшие усилия, потому что объем неизученного материала — прежде всего языка отдельных церковнославянских текстов — еще очень и очень велик. Современное литературоведение, изучая древнерусскую, древнеболгарскую, древнесербскую и т. д. литературы, как будто не замечает существования литературы церковнославянской (общеславянской) и возникающих при этом научных задач. Как видим, среди филологов-лингвистов есть лица, способные рассмотреть соответствующую проблематику во всей ее универсальности. Обрисовав место международного литературного языка славянского средневековья в общеславянской культуре и в социолингвистической ситуации каждого славянского региона, Н. И. Толстой убедительно показал, что попытки создания полноценной истории русского литературного языка на всем протяжении исторического бытования письменности у восточных славян останутся тщетны до тех пор, пока не будет написана история языка церковнославянского.

Можно было бы упрекнуть автора в том, что он не высказал своего отношения к другим концепциям истории литературного языка, появившимся в послед-

ние годы: имею в виду прежде всего подход к феномену литературного языка с позиций исторической диалектологии, с одной стороны, и с позиций теории диглосии, с другой. Полемический момент мог бы привести к большей четкости в определении ключевых понятий. Ведь в историческом аспекте пражский подход к литературному языку все еще выдвигает немало трудностей. Свойства современного литературного языка — омнифункциональность, стилистическая дифференцированность, кодифицированность, общеобязательность — теряют свое конкретное очертание и даже меняют свое существо, когда исследователь пытается проследить их более или менее отдаленную историю, установить их истоки.

Теперь мы как будто не путаем понятия «литературный язык» и «язык литературы» (с. 29), но, говоря о литературном языке средневековья, часто не уверены, относятся ли к его источникам деловые документы и св. Писание, т. е. тексты, не претендующие на художественную занимательность. И даже в трудах наиболее выдающихся исследователей нашего литературного языка с этим не все ясно. Теория В. В. Виноградова о двух типах литературного языка опиралась на летопись, летописную повесть, переводные хронографы, а это — наиболее беллетризованные жанры славянской средневековой письменности. Н. С. Трубецкой полагал, что «собственно литературным языком оставался все же язык церковнославянский, а не деловой, и Н. И. Толстой сочувственно цитирует эти слова (с. 228). Сам автор, говоря о средневековье, противопоставляет «литературный» и «разговорный» языки (с. 39, ср. также с. 199), приравнивая литературный к письменному, а эпитет «священный» применительно к языку употребляет в определении литературному: «...т. е. нормированный, функционально отличный от народно-разговорного языка как всякий литературный язык, в известной степени искусственный и в эпоху средневековья ареально-интернациональный...» (с. 35).

Вопрос о стилистической дифференцированности и общеобязательности в употреблении заменяется для донационального литературного языка вопросом об обусловленности языковой формы, в которую воплощен текст, его жанром и содержанием, — и этот вопрос у Н. И. Толстого хорошо разработан в главе о классификации сербских средневековых текстов (см. выше). Но как быть со стилистической нагрузкой, скажем, церковнославянских и русских языковых средств в составе летописного текста? Попытки рассматривать их как высокие и низкие в стилистическом смысле все

еще широко распространены в среде историков языка.

В отношении кодификации автор сделал важное историческое наблюдение: роль нормативного кодекса в эпоху до появления грамматик играла книжная справа, что можно назвать текстологическим путем стабилизации нормы (с. 72—73). Позднее было обращено внимание на то, что образцовые тексты вроде Евангелия, Псалтыри исполняли свои кодификационные функции и при создании новых текстов, и даже просто при переписке [8], и Н. И. Толстой согласился с таким расширенным пониманием механизма текстологической кодификации [9]. В связи с этим вопросом автор очень уместно отмечает, что при отказе от образцовых текстов — а в условиях православного славянства это значило отказ от традиционной славянской версии св. Писания — возникали узкие локальные нормативные тенденции у славян, исповедовавших мусульманство, католицизм или протестантство (с. 42).

Однако основная теоретическая трудность возникает при определении хронологических границ литературного языка, за чем скрывается особо значимый вопрос о тождестве объекта самому себе. Считать ли, что возникновение новых литературных языков национального периода происходит постепенно путем накопления литературными языками средневековья особых качеств и что этот процесс приводит в какой-то момент к появлению нового по своей сути феномена — национального литературного языка? Осуществляется ли этот процесс в условиях историко-лингвистической непрерывности или же разные состояния литературного языка характеризуются дискретностью? Напротив, можно полагать, что литературные языки средневековья и национальные литературные языки всегда не тождественны по своей природе и что народ, вступая в национальный период своего развития, оставляет один литературный язык и вырабатывает другой.

Судя по четырем признакам диахронического лингвистического аспекта, названным в первой главе книги (перечень их дан выше), и по комментарию к ним (с. 22), автор признает возможным перерастание литературного языка средневековья в литературный язык национальной эпохи. Он даже выносит на обложку книги слова Н. С. Трубецкого о том, что русский литературный язык представляет собою модернизированную и обрусевшую форму церковнославянского языка. Мне представляется, что этот афоризм о перерождении одного литературного языка в другой противоречит пражскому учению о социальной и исторической обусловленности литературных языков,

о их внутреннем единстве, равно как и авторской концепции о церковнославянском языке как международном литературном языке православных славян средневековья. Сходное суждение Н. С. Трубецкого приведено и в тексте книги (с. 227), но, к счастью, Н. С. Трубецкой непоследователен, и на с. 230 мы находим его слова о том, что «...современный русский литературный язык получился в результате прививки [...] церковнославянского языка — к „дичку“ разговорного языка правящих классов государства». В таком случае русский литературный язык отнюдь не входит в континуум с языком церковнославянским. Можно лишь гадать, почему чуть ли не всем нам со времени А. А. Шахматова свойственны колебания в этом пункте.

Перечисленные вопросы теории и типологии применительно к истории литературных языков еще ждут своего полного освещения, но в книге Н. И. Толстого сделан первый и громадный шаг вперед в осуществлении этой задачи. Кроме того, книга ставит перед филологической наукой три актуальные задачи: 1) усвоение и дальнейшее развитие отечественной традиции изучения литературных языков; 2) создание полной истории церковнославянского языка как языка литературного; 3) построение истории национального литературного языка в виде комплексной дисциплины с лингвистическими и культурологическими методами и результатами. Автор прокладывает или намечает путь к решению этих вопросов, что не должно остаться бесследным для повышения общего уровня исследования и осмысления соответствующего материала.

В отношении технического исполнения книги, нужно выразить сожаление ее небольшим по нашим книгоиздательским масштабам, несмотря на важность темы, тиражом — 2800 экземпляров, наличием нескольких серьезных опечаток, связанных главным образом с путаницей в римской цифри (крещение Сербии отнесено на с. 129 к XI в., рукопись жития Саввы Освященного — к XVIII в., с. 214, конец праславянских процессов — X—XI вв., с. 223). Почти отсутствуют внутренние ссылки, а преобладают отсылки к первым изданиям статей, вошедших в качестве глав в книгу. Книге суждена долгая жизнь, и эти недостатки тем более досадны.

Автору свойственна широта и восприимчивость, он связан с этимологией, почему в книге появился не только своеобразный и ценный раздел, но и термин «сакральный», более пригодный все же для тех, кто изучает языческие ритуалы; он связан с современной структуральной культурологией, откуда идет выражение *Rachslavia orthodoxa* (нам, впрочем, уже при-

шлось отметить, что для типологии литературных языков продуктивность этой концепции невелика [10]), но более всего видна в книге связь с отечественной филологической традицией, представленной в данном случае именами А. С. Будиловича, А. А. Шахматова, Н. С. Трубецкого и особенно В. В. Виноградова. Это сказывается не только в выборе темы, переместе идей, но и в особом духовном родстве, в тождественной мере культурных ценностей, которой свойственна серьезная и честная любовь к изучаемому предмету и великая терпимость к разномыслию. От такого наследства не отказываются, и книга Н. И. Толстого заполняет пустоту, оставшуюся в науке и во всей русской культуре после смерти В. В. Виноградова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брозевич Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод // ВЯ. 1967. № 1.
2. Виноградов В. В. Литературный язык // Краткая литературная энциклопедия. М., Т. 4. 1967. С. 323—331.
3. Мещерский Н. А. Древнеславянский — общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов // Вестник ЛГУ. 1975. № 8.
4. Копыленко М. М. Как следует называть язык древнейших письменных памятников? // Советское славяноведение. 1966. № 1.
5. Ключевский В. О. Соч. Т. 6. М., 1959. С. 327.
6. Dell'Agata G. Unità e diversità nello slavo ecclesiastico: il punto di vista del copista // *Studia slavica mediaevalia et humanistica* R. Picchio dicata, V. 1. Roma, 1986.
7. Жигов В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания / Под ред. Горшковой К. В., Хабургаева Г. А. [М.], 1988.
8. Едличка А. Проблематика¹ нормы и кодификация литературного языка в отношении к типу литературного языка // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах: Докл. на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам. 22—25 октября 1974 г. М., 1976. С. 19.
9. Толстой Н. И. Литературный язык у сербов в XVIII веке (до 1780 г.) // Славянское и балканское языкознание. М., 1979. С. 166.
10. Алексеев А. Языковой вопрос у славян // *Russian linguistics*. 1986. Т. 10. P. 311.

Алексеев А. А.